Спенсер

ОТЪ СВОБОДЫ КЪ РАБСТВУ

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

ОТЪ СВОБОДЫ КЪ РАБСТВУ

ДОВОДЫ ПРОТИВЪ СОЦІАЛИЗМА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

1894.

КОВНА, типографія Соколовскаго и Минскера.

ОТЪ СВОБОДЫ КЪ РАБСТВУ

ДОВОДЫ ПРОТИВЪ СОЦІАЛИЗМА

Герберта Спенсера.

Переводъ съ англійскаго.

КОВНА,
Типографія Соколовскаго и Минскера.
1894.

Дозволено Цензурою. 29 Сентября 1894 г.—Вильна.

Отъ Свободы къ Рабству.

Разсуждая объ общественныхъ дѣлахъ, мы нерѣдко, приходимъ къ такимъ заключеніямъ, которыя прямо опровергаются фактами. Такъ, мѣры, принимаемыя съ цѣлью воспрепятствованія распространенію какой либо книги, увеличиваютъ, напротивъ ея популярность; попытки пресѣчь лихоимство ведутъ еще къ болѣе тяжелымъ сдѣлкамъ для заемщиковъ; даже увѣренность получить товары съ меньшими затрудненіями на мѣстѣ ихъ производства не всегда на дѣлѣ оправдывается. Но однимъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ такого превратнаго сужденія является тотъ фактъ, что чѣмъ болѣе въ какомъ либо отношеніи положеніе людей улучшается, тѣмъ громче становятся жалобы на неудовлетворительность порядка вещей въ этомъ отношеніи.

Въ тѣ времена когда англійскій народъ не обладалъ никакими политическими правами, онъ весьма рѣдко жаловался на свою порабощенность; коль скоро же свободныя институціи развились у насъ въ такой степени, что нашимъ политическимъ порядкамъ стали завидовать на континентѣ, то,

рядомъ съ этимъ, усилились и жалобы на господство аристократовъ. Вслѣдъ за дальнѣйшимъ расширеніемъ правъ и преимуществъ жалобы на недостаточность и этихъ правъ возобновились съ новою силою.—Если прослѣдимъ исторію обращенія съ женщинами, начиная со временъ дикаго варварства, когда всѣ тяжелыя работы на нихъ взваливались и когда онѣ питались лишь остатками отъ стола мужчинъ,—если вспомнимъ, что еще въ средніе вѣка онѣ прислуживали мужчинамъ за обѣденнымъ столомъ, между тѣмъ какъ въ наши дни права женщинъ въ цивилизованномъ мірѣ выдвигаются всюду на первый планъ,—то замѣтимъ, что самое дурное обращеніе съ женщинами сопровождалось и самымъ меньшимъ, повидимому, сознаніемъ того, что это обращеніе было дурно. Пользуясь же нынѣ лучшимъ положеніемъ чѣмъ когда-либо, женщины, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе на него жалуются, причемъ самые громкіе вопли исходятъ изъ Америки, «женскаго рая».—Сотню лѣтъ тому назадъ, когда едва-ли можно было встрѣтить человѣка, который, при случаѣ, не напивался-бы,—когда всякій неспособный осушить бутылку или двѣ вина навлекалъ на себя презрѣніе,—никто и не думалъ ополчаться противъ порока пьянства. Теперь-же, когда пятидесятилѣтнія добровольныя усилія общества трезвости, совмѣстно съ нѣкоторыми болѣе общими причинами, породили сравнительную умѣренность и воздержаніе, появляются шумныя требованія вмѣшательства законовъ для предотвращенія гибельныхъ послѣдствій торговли крѣпкими напитками.—То-же самое случилось и съ образованіемъ. Нѣсколько поколѣній тому назадъ грамотность явля-

лась достояніемъ лишь высшихъ и среднихъ классовъ общества; мысль-же, что начальное образованіе слѣдовало бы сдѣлать доступнымъ и для рабочихъ, никогда не высказывалась, или, если высказывалась, то подвергалась осмѣянію. Когда же, не дальше какъ при нашихъ дѣдахъ, благодаря нѣкоторымъ филантропамъ появились и стали размножаться воскресныя школы, а за ними послѣдовали и школы будничныя, —когда вскорѣ затѣмъ оказалось, что среди народныхъ массъ умѣющіе читать и писать не составляли уже исключеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, требованія на дешевыя изданія быстро стали возростать, — тогда поднялся крикъ и стонъ, что, дескать, народъ погибаетъ во мракѣ невѣжества и что государство обязано не только доставлять образованіе народу, но и принуждать къ нему всѣхъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ общемъ состояніи народонаселенія въ отношеніи пищи, одежды, крова и домашней утвари. Для сравненія—нѣтъ надобности выдвигать раннее, варварское состояніе людей; замѣчаемъ явный прогрессъ и съ того недавняго времени, когда поселяне питались ячменнымъ, или ржанымъ хлѣбомъ и овсяною мукою, такъ какъ нынѣ бѣлый пшеничный хлѣбъ вошелъ въ общее употребленіе; замѣчаемъ прогрессъ и съ того времени, когда единственную одежду составлялъ короткій изъ грубаго матеріяла камзолъ, достигавшій лишь до колѣнъ и оставлявшій ноги голыми, такъ какъ нынѣшній рабочій людъ, подобно своимъ хозяевамъ, прикрываетъ все тѣло двумя, и болѣе, рядами тканей; очевиденъ прогрессъ и отъ эпохи лачугъ въ одну комнату, безъ дымовыхъ

трубъ, или, даже, отъ обыкновеннаго господскаго дома XV столѣтія, стѣны котораго не имѣли ни панельной обшивки ни штукатурки,—при сравненіи ихъ съ соотвѣтственными постройками настоящаго столѣтія, когда каждая хижина обладаетъ болѣе чѣмъ одной комнатой, а дома ремесленниковъ имѣютъ ихъ по нѣсколько; когда всѣ они снабжены печами, каминами, стекольными окнами и, по большей части, оклеены обоями, при чемъ двери имѣютъ крашеныя. Въ этомъ отношеніи совершился, повторяю, очевидный прогрессъ въ народномъ быту. Не менѣе замѣтенъ прогрессъ и въ предѣлахъ переживаемаго нами самими времени. Кто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ свидѣтелемъ несравненно большей бѣдности и печальнаго изобилія нищихъ, тотъ пораженъ нынѣ сравнительными размѣрами и отдѣлкою вновь построенныхъ домовъ, занимаемыхъ мастеровыми,—лучшею одеждою рабочихъ, надѣвающихъ въ праздники платье изъ тонкаго сукна,—щеголеватостью служанокъ, соперничающихъ въ нарядахъ со своими барынями—болѣе высокимъ уровнемъ средствъ къ жизни, обусловливающимъ большую притязательность въ выборѣ пищи рабочими. Все это является съ одной стороны результатомъ увеличенія жалованья и удешевленія товаровъ, а съ другой—слѣдствіемъ перераспредѣленія налоговъ, облегчившихъ бремя низшихъ классовъ въ ущербъ высшимъ. Кромѣ того, свидѣтель пораженъ, контрастомъ между ничтожною долею вниманія, съ какимъ относилось тогда общество къ народному благосостоянію и тою заботливостью, съ какою оно относится къ нему въ настоящее время, вслѣдствіе чего, какъ въ стѣ-

нахъ парламента, такъ и внѣ его, преобладаютъ теперь проэкты, преслѣдующіе благо народныхъ массъ, а отъ всякаго богатаго человѣка ожидается денежная помощь для филантропическихъ предпріятій. Но, между тѣмъ какъ положеніе большинства и въ умственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ улучшается нынѣ быстрѣе, чѣмъ когда-либо,—между тѣмъ какъ пониженіе процента смертности доказываетъ, что въ среднемъ выводѣ жизнь стала менѣе трудною, раздаются, однако, все болѣе шумные возгласы утверждающіе, что бѣдствія наши столь велики, что лишь соціальная революція можетъ покончить съ ними. Въ присутствіи явнаго улучшенія быта народныхъ массъ, въ присутствіи такого факта какъ увеличеніе средней продолжительности жизни,—факта, который самъ по себѣ представляетъ убѣдительное доказательство такого улучшенія,—провозглашается съ возрастающею заносчивостью, что существующій порядокъ вещей на столько плохъ, что современное общество должно быть уничтожено въ корнѣ и переустроено на иной ладъ. И такъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаяхъ раньше указанныхъ, пропорціонально тому на сколько зло уменьшается, извѣтъ противъ него увеличивается; по мѣрѣ того какъ объявляется могущественность естественныхъ причинъ, растетъ убѣжденіе въ ихъ безсиліи.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что зло, о которомъ рѣчь, невелико. Пусть никто не предполагаетъ, что, выдвигая парадоксъ, только что приведенный, я легко отношусь къ страданіямъ, на какія обречена большая часть людей. Участь боль-

шинства всегда была, и, безъ сомнѣнія, является еще и теперь, очень грустною. Неоспоримо, что никто, изъ желающихъ добра роду человѣческому, не можетъ созерцать съ чувствомъ удовлетворенія существующій типъ соціальной организаціи; неоспоримо также, что дѣятельность людей, сопутствующая этому типу, далеко не вызываетъ восторговъ. Сильный разладъ между слоями общества и громадное неравенство средствъ къ жизни не вяжутся съ тѣми идеальными человѣческими отношеніями, какія рисуются намъ въ воображеніи подъ вліяніемъ симпатіи къ людямъ; среднее же поведеніе людей, подъ гнетомъ нынѣшней соціальной жизни и при ея соблазнахъ, является въ различныхъ отношеніяхъ отталкивающимъ. Хотя многіе изъ тѣхъ, которые бранятъ конкуренцію, игнорируютъ, страннымъ образомъ, вытекающія изъ нея выгоды,—хотя они забываютъ, что большая часть изобрѣтеній и произведеній, отличающихъ цивилизацію отъ варварства и обусловливающихъ возможность поддерживанія многочисленнаго населенія на незначительной площади, явились лишь вслѣдствіе борьбы за существованіе,—хотя они не оказываютъ должнаго вниманія къ тому факту, что если человѣкъ въ качествѣ производителя страдаетъ отъ пониженія цѣны конкурентами, то, въ качествѣ потребителя, онъ очень много выигрываетъ вслѣдствіе удешевленія всего того, что ему покупать приходится,—хотя они распространяются только о вредѣ конкуренціи и умалчиваютъ объ ея выгодахъ, —тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что вредъ, порождаемый ею, великъ и образуетъ изрядный вычетъ изъ представляемыхъ ею выгодъ. Соціальная

организація, подъ сѣнью которой мы живемъ, поощряетъ мошенничество и ложь: это она побуждаетъ къ поддѣлкамъ разнаго рода; она является отвѣтственною за изобиліе дешевыхъ подражаній, нерѣдко вытѣсняющихъ съ рынка настоящіе товары; она ведетъ къ употребленію фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ; она прививаетъ подкупъ, портящій отношенія между фабрикантомъ и покупателемъ, между лавочникомъ и слугою; она въ такой степени покровительствуетъ обманамъ, что прикащикъ, не умѣющій солгать безъ краски въ лицѣ, — осуждается; она ставитъ, нерѣдко, добросовѣстнаго купца въ такое положеніе, что ему остается одно изъ двухъ: или прибѣгнуть къ нечестной практикѣ своихъ конкурентовъ, или разорить своихъ кредиторовъ банкротствомъ. Сверхъ того, распространенныя мошенничества, общія всему торговому міру, о которыхъ ежедневно повѣствуютъ газеты и судебныя хроники, обусловливаются главнымъ образомъ тѣмъ давленіемъ, какому подвергаются въ силу конкуренціи высшіе промышленные классы; иначе сказать, онѣ являются слѣдствіемъ той расточительной траты, которая, въ качествѣ нѣкотораго свидѣтельства объ успѣхѣ въ коммерческихъ дѣлахъ, приноситъ почетъ. Но все это есть зло лишь второстепенное; къ нему слѣдуетъ прибавить главное зло, заключающееся въ томъ, что при нынѣшней системѣ достается, въ ущербъ дѣйствительнымъ рабочимъ, несоразмѣрно большая доля тѣмъ, кто завѣдуетъ и управляетъ дѣломъ. И такъ, пусть не заключаютъ изъ сказаннаго мною выше, будто я слишкомъ легко смотрю на недостатки нашей системы соперничества, системы — о которой тридцать

лѣтъ тому назадъ я писалъ и указывалъ на ея слабыя стороны *). Дѣло въ томъ, что здѣсь намъ представляется вопросъ не объ абсолютномъ злѣ, но о злѣ относительномъ, а именно, слѣдуетъ рѣшить: Меньше-ли претерпѣваемое нами нынѣ зло, или не меньше, въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, какое терпѣть намъ пришлось-бы при иной системѣ? Старанія наши смягчить зло не болѣе-ли вѣрный ждетъ успѣхъ по тому пути, по которому мы до сихъ поръ слѣдовали, чѣмъ въ томъ случаѣ, если свернемъ на иной путь?

Вотъ вопросъ, подлежащій нашему обсужденію. Предварительно я позволю себѣ указать здѣсь на нѣкоторыя, довольно простыя истины, изъ коихъ вытекающія слѣдствія не пользуются общеизвѣстностью.

Вообще говоря, всякій человѣкъ работаетъ— чтобъ избѣжать страданія. Здѣсь, мысль о терзаніяхъ голода побуждаетъ его трудиться, а тамъ, видъ кнута въ рукахъ надсмотрщика надъ рабами поощряетъ его къ этому. Или человѣкъ страшится кары, могущей его постигнуть въ силу естественныхъ физическихъ причинъ, или боится наказанія, какому можетъ быть подвергнутъ при вмѣшательствѣ ближняго. Человѣкъ долженъ имѣть господина; но господиномъ его можетъ быть или сама Природа, или его же ближній. Когда онъ подчиненъ лишь безличной силѣ природы, мы говоримъ, что онъ свободенъ; когда же онъ подчиненъ давленію личности, надъ нимъ поставленной, то, соотвѣтственно степени его зависимости, мы называемъ его рабомъ, крѣ-

*) См. Опытъ: „Нравственность въ торговлѣ.“

постнымъ и вассаломъ. Конечно, я опускаю то незначительное меньшинство, которое путемъ наслѣдства получаетъ средства къ жизни; оно представляетъ случайный, вовсе не необходимый элементъ. Я говорю только о тѣхъ людяхъ, составляющихъ громадное большинство, какъ получившихъ образованіе, такъ и безъ онаго, которые, существуя умственнымъ, или физическимъ трудомъ, должны заставлять себя работать или по собственной своей непринужденной волѣ, побуждаемые лишь мыслью объ естественныхъ дурныхъ, или хорошихъ послѣдствіяхъ,—или по принужденію извнѣ, побуждаемые мыслью о дурныхъ, или хорошихъ искусственныхъ послѣдствіяхъ.

И такъ, люди въ общественномъ быту могутъ трудиться лишь подъ вліяніемъ одного изъ этихъ двухъ видовъ контроля; видовъ—хотя представляющихся, во многихъ случаяхъ, смѣшанными, но существенно различающихся между собою. Употребляя слово «сотрудничество» (кооперація) въ обширномъ смыслѣ, мы можемъ сказать, что соціальная жизнь должна опираться или на добровольномъ сотрудничествѣ, или на сотрудничествѣ принудительномъ; пользуясь же словами Генри Мэна, примемъ, что организація общества должна быть основана или на *контрактѣ* или на *статусѣ*. Въ первомъ случаѣ—индивидъ предоставленъ самому себѣ и его добровольныя усилія, по мѣрѣ ихъ внутренней стоимости, обусловливаютъ для него успѣхъ, или неудачу въ жизни; во второмъ случаѣ—индивидъ работаетъ въ указанномъ мѣстѣ, подчиняется извѣстному регламенту и снабжается въ установленномъ размѣрѣ пищею, платьемъ и кровомъ.

Системою добровольнаго сотрудничества является та, посредствомъ которой промышленность держится нынѣ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ. Въ простомъ видѣ встрѣчаемъ ее на всякой фермѣ, гдѣ работники, оплачиваемые фермеромъ и получающіе непосредственно отъ него приказанія, могутъ оставаться у него, или уйти, если того пожелаютъ. Болѣе сложный видъ такой системы представляетъ каждое мануфактурное дѣло, въ которомъ за собственниками предпріятія слѣдуютъ директора и прикащики, за ними сидѣльцы и надсмотрщики, а за ними различныхъ степеней мастеровые. Въ обоихъ случаяхъ очевиденъ совмѣстный трудъ, или сотрудничество работодателя и работополучателя,—сотрудничество какъ для посѣвовъ и жатвы, такъ для производства мануфактурныхъ товаровъ.

Въ то же самое время существуетъ несравненно болѣе обширное, хотя и безсознательное, сотрудничество рабочихъ всѣхъ степеней всего населенія. Ибо, между тѣмъ какъ эти отдѣльные работодатели и работополучатели заняты своимъ спеціальнымъ дѣломъ, иные работодатели и работополучатели занимаются производствомъ иныхъ предметовъ, необходимыхъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для всѣхъ прочихъ людей. Это добровольное сотрудничество, какъ въ простѣйшей формѣ, такъ и въ формѣ самой сложной, отличается тою общею чертою, что тутъ всѣ заинтересованныя лица работаютъ совмѣстно по соглашенію. Никто здѣсь насильно не навязываетъ ни работы, ни условій. Совершенно справедливо, что во многихъ случаяхъ или работодатель, или работополучатель могутъ съ

неохотою принимать условія, утверждая, что лишь обстоятельства принуждаютъ ихъ къ этому. Но что такое обстоятельства? Въ одномъ случаѣ подъ этимъ подразумѣвается или послѣдовавшій выгодный заказъ на товары, или то, что контрактъ не можетъ быть выполненъ безъ дальнѣйшаго производства; въ другомъ случаѣ соглашаются на меньшее, чѣмъ желательно было бы, жалованье, потому что иначе угрожаетъ недостатокъ денегъ на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости. Общею формулою являются здѣсь не такія слова: «Исполняй, что тебѣ приказано, или я тебя заставлю это исполнить», но слова, имѣющія приблизительно такой смыслъ: «Исполняй это, или оставь свою должность и устраивайся какъ знаешь».

Примѣромъ принудительнаго сотрудничества служитъ армія; притомъ не столько наша собственная армія, въ которую поступаютъ по контракту на опредѣленный срокъ, но армія на континентѣ, воздвигаемая по конскрипціи. Здѣсь, въ мирное время, ежедневныя обязанности, сопряженныя съ поддержаніемъ внутренняго въ частяхъ войскъ порядка, разныя ученья, парады, караульная служба и проч., а въ военное время различные виды службы въ походѣ и на полѣ битвы отправляются въ силу приказанія и команды; здѣсь нѣтъ мѣста какому либо выбору дѣятельности со стороны подчиненныхъ. Начиная съ простаго солдата вплоть до самыхъ высшихъ воинскихъ чиновъ всѣ другъ другу обязаны, въ порядкѣ подчиненности, безпрекословнымъ повиновеніемъ. Сфера индивидуальной воли можетъ проявляться лишь въ тѣхъ предѣлахъ,

какіе допускаются начальникомъ. Виновные въ неповиновеніи, соотвѣтственно съ важностью каждаго отдѣльнаго случая, наказываются арестомъ, розгами, а въ крайности присуждаются и къ разстрѣлянію. Вмѣсто положенія, заключающаго ту мысль, что слѣдуетъ оказывать повиновеніе въ отношеніи исполненія извѣстныхъ спеціальныхъ обязанностей подъ страхомъ удаленія отъ службы, формулою такого сотрудничества является понятіе: «Повинуйся во всемъ приказанію, иначе ждетъ тебя тяжелое наказаніе, а можетъ быть и смертная казнь».

Такой родъ сотрудничества, примѣромъ котораго до сихъ поръ служитъ армія, являлся въ минувшіе дни единственнымъ родомъ сотрудничества во всемъ гражданскомъ обществѣ. Вездѣ и во всѣ времена хроническія войны порождаютъ военный типъ организаціи не только въ средѣ лицъ, непосредственно въ войнѣ участвующихъ, но и во всей вообще воюющей общинѣ. Въ дѣйствительности, покамѣстъ борьба между обществами длится и битва почитается единственнымъ достойнымъ дѣломъ, до тѣхъ поръ общество представляетъ изъ себя неподвижную армію, а армія мобилизованное общество; часть же не принимающая участія въ битвахъ, состоящая изъ рабовъ, крѣпостныхъ, женщинъ и проч., играетъ роль комисаріата. Естественно, по этому, что въ массѣ слабѣйшихъ индивидовъ, составляющихъ комисаріатъ, поддерживается одинаковая по природѣ, если и не столь выработанная, дисциплина. Такъ какъ сражающаяся часть общины является при этихъ условіяхъ господствующею и такъ какъ остальная часть неспособна оказать сопротивленіе,

то тѣ, которые стоятъ во главѣ сражающихся, простираютъ, конечно, свою власть и на остальныхъ; такимъ образомъ принудительный режимъ устанавливается всюду, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловятся обстоятельствами. Военно-плѣнные дѣлаются рабами. Бывшіе свободными земледѣльцами до завоеванія страны — превращаются въ крѣпостныхъ, пригвожденныхъ къ землѣ. Мелкіе военачальники становятся подданными высшихъ начальниковъ; а эти, въ свою очередь, маленькіе владѣтели, становятся вассалами владѣтелей болѣе крупныхъ и такъ далѣе до самаго главнаго. Такимъ образомъ, соціальное положеніе и сила соотвѣтствуютъ чинамъ и власти въ военной организаціи. Покамѣстъ же для рабовъ принудительное сотрудничество является системою исключительною и неограниченною, до тѣхъ поръ подобный духъ сотрудничества проникаетъ и всѣ высшіе классы. Присяга на вѣрность своему сюзерену принимаетъ формулу: «Я твой рабъ».

Во всей Европѣ, а въ особенности въ нашей собственной странѣ, (въ Англіи), эта система принудительнаго сотрудничества постепенно смягчилась и замѣнилась системою сотрудничества добровольнаго. По мѣрѣ того какъ война переставала быть насущнымъ дѣломъ, соціальная структура, порожденная войною и приспособленная къ ней, постепенно подтачивалась нарождавшеюся структурою, свойственною промышленной жизни. Соотвѣтственно тому на сколько уменьшающаяся часть общины посвящала себя военнымъ цѣлямъ, увеличивающаяся часть общины отдавалась промышленности и

торговлѣ. Становясь многочисленнѣе, могущественнѣе и, притомъ, укрываясь въ городахъ, гдѣ гнетъ военнаго класса былъ менѣе чувствителенъ, это промышленное населеніе устраивалось тамъ на началахъ добровольнаго сотрудничества. Хотя муниципальныя правленія и гильдейскія законоположенія, проникнутыя отчасти духомъ и обычаями, свойственными военному типу общества, являлись въ нѣкоторой степени принудительными, но производство и распредѣленіе товаровъ совершалось по большей части по взаимному соглашенію, какъ между покупателями и продавцами, такъ, между хозяевами и рабочими. По мѣрѣ того какъ такія отношенія и формы дѣятельности начинали преобладать въ городскомъ населеніи, вліяніе ихъ отражалось и на всей общинѣ: принудительное сотрудничество исчезало все болѣе и болѣе, и замѣнялось уплатою денегъ за службу—военную и гражданскую; раздѣленіе же на сословія становилось менѣе строгимъ. Когда же, наконецъ, вышли изъ употребленія ограниченія, практиковавшіяся въ торговомъ мірѣ и рушилось господство ранга надъ рангомъ, то добровольное сотрудничество сдѣлалось всеобщимъ лозунгомъ. Покупка и продажа стали закономъ для всякаго рода сдѣлокъ.

Подвижность и неустойчивость, порождаемыя вліяніемъ условій существованія, внушаютъ безпрестанно желаніе испробовать новое положеніе. Всякому извѣстно, какъ утомительнымъ становится долго продолжавшійся покой въ одномъ положеніи; всякій испыталъ, какъ даже самое удобное кресло, вначалѣ очень нравившееся, становится невыносимымъ

послѣ нѣсколькихъ часовъ сидѣнія; замѣна его жесткимъ стуломъ, раньше откинутымъ, кажется, на нѣкоторое время, большимъ облегченіемъ. То же самое происходитъ и въ сплоченномъ человѣчествѣ. Освободившись путемъ долгой борьбы отъ тяжелой дисциплины прежняго режима и обнаруживъ, что смѣнившій его новый режимъ, хотя относительно удобенъ, не обходится тоже, однако, безъ мучительнаго напряженія и скорби, человѣчество, нетерпѣливо стараясь избавиться отъ своихъ горестей, поддается желанію испытать иную систему организаціи. Эта же иная система, по существу своему если не по внѣшнему виду, есть именно та самая, отъ которой прошедшія поколѣнія съ такою радостью отдѣлались.

Коль скоро режимъ контракта будетъ упраздненъ, то неизбѣжно долженъ воцариться режимъ статуса. Коль скоро откажемся отъ добровольнаго сотрудничества, на смѣну ему явится сотрудничество принудительное. — Трудъ долженъ имѣть какую нибудь организацію; а если это не будетъ та организація, которая возникаетъ путемъ согласія при свободномъ соперничествѣ, то должна быть та, какая навязывается властью. Несходный, быть можетъ, по внѣшности и имени съ прежнимъ рядомъ рабовъ и крѣпостныхъ, работавшихъ подъ присмотромъ старшихъ, понуждавшихся въ свою очередь баронами, состоявшими также въ вассальной зависимости отъ герцоговъ и королей, — новый желанный строй долженъ представлять въ сущности то же самое, такъ какъ и ему, по необходимости, пришлось бы состоять изъ рабочихъ, завѣдываемыхъ приказчиками, дѣйствія коихъ повѣрялись бы смо-

трителями, подчиненными высшимъ мѣстнымъ управителямъ, контролирующимся въ свою очередь начальниками округовъ, зависимыми отъ центральнаго правительства. Въ обоихъ случаяхъ нельзя обойтись безъ чиновной іерархіи и строгой подчиненности низшаго чина высшему. Это представляетъ истину, которую коммунисты и соціалисты обходятъ молчаніемъ. Нападая на существующую организацію общества, при которой каждый изъ насъ заботится самъ о себѣ, между тѣмъ какъ всѣ мы наблюдаемъ, чтобъ каждый честно велъ свои дѣла, соціалистъ думаетъ, что много лучше было-бы для всѣхъ, еслибъ всѣ заботились объ каждомъ изъ насъ; но, увлекаясь, онъ упускаетъ изъ виду тотъ механизмъ, помощью котораго такой порядокъ вещей могъ бы быть достигнутъ. Если объ каждомъ должны заботиться всѣ, то необходимо, чтобъ вся данная ассоціація добывала достаточно средствъ къ жизни. Выдаваемое что-либо каждому должно расходоваться изъ совокупныхъ взносовъ, поэтому отъ каждаго надлежитъ требовать соотвѣтственнаго содѣйствія и, слѣдовательно, нужно указать ему, сколько именно труда онъ обязанъ положить на общую пользу, чтобъ имѣть право на полученіе извѣстной доли продуктовъ. Отсюда явствуетъ, что каждый, прежде чѣмъ получить что-либо, долженъ отдать себя въ распоряженіе извѣстныхъ лицъ и слушаться ихъ указаній относительно того, что ему дѣлать, въ какіе часы и гдѣ, исполненіемъ лишь чего онъ можетъ себѣ обезпечить свою долю пищи, одежды и крова. Съ устраненіемъ конкуренціи, а вмѣстѣ съ нею купли и продажи, не можетъ существовать добровольнаго обмѣна такого-

то количества работы на такое-то количество такихъ-то продуктовъ; должно быть, напротивъ, установлено соотвѣтственными чиновниками опредѣленное отношеніе между тѣмъ и другимъ и этому отношенію надо быть обязательнымъ. Безъ права выбора работа должна быть исполнена и безъ права выбора всякое даяніе—принято. Рабочій не можетъ по желанію покинуть одно мѣсто и предложить свои услуги гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. При такой системѣ его нигдѣ не примутъ иначе, какъ по распоряженію самихъ властей; очевидно же, что всюду воспрещалось бы принимать члена, проявившаго себя ослушаніемъ, потому что, пользуйся лишь всякій рабочій правомъ перемѣнять мѣсто, когда ему вздумается, то вся система оказалась бы несостоятельною. Капитаны промышленности, при содѣйствіи капраловъ и вахмистровъ, являлись бы исполнителями приказовъ своихъ полковниковъ, а эти послѣдніе своихъ генераловъ и т. д. вплоть до штаба главнаго командира; субординація же должна была бы царствовать въ равной силѣ какъ въ военной, такъ въ промышленной арміи. «Дѣлай, что приказано и получай, что положено», вотъ законъ для обѣихъ.

«Пусть такъ», возражаетъ соціалистъ. «Но рабочіе сами, вѣдь, будутъ выбирать своихъ чиновниковъ, поэтому послѣдніе всегда будутъ подлежать критикѣ управляемой ими массы. Опасаясь возстановить противъ себя общественное мнѣніе, они станутъ, конечно, поступать честно и справедливо, а если нѣтъ, то будутъ низложены народнымъ голосованіемъ, мѣстнымъ, или общимъ.

Какихъ обидъ можно ожидать отъ начальниковъ, если они сами подлежатъ контролю народному?» И вотъ, такая привлекательная мечта пользуется полнымъ довѣріемъ соціалиста.

Желѣзо и мѣдь проще, безъ сомнѣнія, чѣмъ плоть и кровь; а сухое дерево проще, чѣмъ живой нервъ; машина же, построенная изъ первыхъ матеріяловъ, работаетъ болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ организмъ, сотканный изъ вторыхъ, въ особенности если принять во вниманіе, что машина приводится въ движеніе неорганическими силами, въ родѣ воды и пара, тогда какъ организмъ дѣйствуетъ въ силу живыхъ нервныхъ центровъ. Очевидно, поэтому, что несравненно легче вычислить количество и качество работы машины, чѣмъ организма. Однако, какъ рѣдко удается изобрѣтателю правильно предсказать дѣйствія своего аппарата! Прочтите списокъ выдаваемымъ привиллегіямъ и увидите, что не болѣе чѣмъ одна изъ пятидесяти затѣй оказывается на что нибудь пригодною. Какъ ни представлялся осуществимымъ проэктъ изобрѣтателю, но, на самомъ дѣлѣ, не одно то другое препятствіе мѣшаетъ задуманному имъ дѣйствію и приводитъ къ совершенно отличнымъ результатамъ, отъ предполагавшихся.

Что же должны мы сказать о тѣхъ проэктахъ, которые касаются не мертвой матеріи и не инертной силы, но сложныхъ живыхъ организмовъ, дѣятельность коихъ еще труднѣе предвидѣть; о проэктахъ касающихся сотрудничества милліоновъ такихъ организмовъ? Въ самомъ дѣлѣ, даже единицы, изъ

коихъ берутся образовать это переустроенное политическое тѣло, часто для насъ непостижимы. Каждому случается, отъ времени до времени, удивляться поведенію людей и, даже, поступкамъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, которыхъ онъ знаетъ, казалось, прекрасно. Убѣждаясь, такимъ образомъ, что предвидѣть дѣйствія одной личности для насъ задача часто не по силамъ, можемъ ли мы съ увѣренностью предсказывать дѣйствія всей соціальной структуры? Соціалистъ исходитъ изъ того предположенія, что всѣ заинтересованные въ дѣлѣ люди будутъ разсуждать правильно и поступать честно, т. е. что они будутъ думать такъ, какъ имъ слѣдовало бы думать и дѣйствовать такъ, какъ имъ слѣдовало-бы дѣйствовать; и допускаетъ онъ подобную мысль не смотря на ежедневный опытъ, разубѣждающій его въ этомъ, забывая, что приносимыя имъ жалобы на существующую систему свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ самъ не вѣритъ ни въ благоразуміе людей, ни въ ихъ честность—качества столь необходимыя для осуществленія его плана.

Бумажныя конституціи вызываютъ улыбку у того, кто наблюдалъ ихъ результаты; бумажныя соціальныя системы на такую-же улыбку заслуживаютъ въ глазахъ того, кто взвѣсилъ дѣйствительную ихъ стоимость. Какъ далеки были люди, работавшіе въ пользу французской революціи и главнымъ образомъ заинтересованные въ учрежденіи новаго правительственнаго орудія казни,—какъ далеки были отъ предположенія, что всѣ они явятся одними изъ первыхъ обезглавленныхъ при помощи

этого орудія! Подозрѣвали ли дѣятели, провозгласившіе независимость Американскихъ Штатовъ и учредившіе республику, что черезъ нѣсколько поколѣній законодательство перейдетъ въ руки низкихъ интригантовъ; что законодательная дѣятельность превратится въ пререканія со-искателей доходныхъ мѣстъ; что политическая жизнь будетъ всюду парализована вторженіемъ чужеземнаго элемента, поддерживающаго равновѣсіе между партіями; что избиратели, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать самостоятельно, будутъ подавать голоса тысячами подъ диктовку своихъ «коноводовъ» и, что почтенныхъ людей будутъ устранять отъ общественной жизни путемъ оскорбленій и клеветы, по проискамъ политиковъ по ремеслу! Не лучше оказались и тѣ предвидѣнія, которыя породили разныя конституціи въ другихъ странахъ Новаго Свѣта: безчисленныя революціи съ удивительною настойчивостью выказали контрастъ между ожидавшимися результатами и результатами, достигнутыми въ дѣйствительности. Тѣ же жалкіе плоды получались и въ области системъ соціальной ре-организаціи, по сколько онѣ испытывались на дѣлѣ. За исключеніемъ случаевъ когда настаивалось на безбрачіи, исторія этихъ системъ представляетъ лишь цѣпь злополучій, подобно исторіи икарійской колоніи Кабета, разсказанной недавно однимъ изъ ея членовъ, Флорою Робинзонъ, въ The Open Court. Исторія эта повѣствуетъ лишь о пререканіяхъ, расколахъ, раздробленіяхъ на партіи, многочисленныхъ случаяхъ дезертирства и, наконецъ, о полномъ разложеніи. Неудача же такихъ соціальныхъ проэктовъ, какъ и неудача проэктовъ политическихъ, имѣетъ одну общую причину.

Превращеніе есть всеобщій законъ, наблюдаемый нами всюду, какъ на небесахъ такъ и на землѣ; въ особенности богатъ превращеніями міръ органическій, коего животный отдѣлъ болѣе всего изобилуетъ фактами. За исключеніемъ самыхъ простыхъ и самыхъ мелкихъ твореній, всѣ прочія начинаютъ свое существованіе въ формѣ отличной отъ той, какую они окончательно принимаютъ; во многихъ случаяхъ несходство это очень велико, такъ велико, что родство между первою и послѣднею формами было бы невѣроятно, еслибъ оно ежедневно не обнаруживалось нами на всякомъ птичьемъ дворѣ и во всякомъ саду. Сверхъ того, измѣненій формы часто бываетъ нѣсколько, причемъ каждая изъ нихъ кажется законченнымъ превращеніемъ, напр. яйцо, личинка, куколка, бабочка. Этому всеобщему закону превращенія, проявляющемуся какъ въ развитіи планеты, такъ и въ развитіи всякаго зерна, прозябающаго на ея поверхности, подчинены также и человѣческія общества, какъ взятыя въ цѣломъ, такъ и въ своихъ отдѣльныхъ установленіяхъ. Ни одно изъ нихъ не кончаетъ своего существованія въ томъ видѣ, въ какомъ началось; различіе же между ихъ первоначальною и конечною структурами бываетъ такъ велико, что, судя по началу, казалась бы невѣроятною такая перемѣна.—Начальникъ самаго грубаго племени, которому, какъ вождю повинуются на войнѣ, теряетъ свое отличительное положеніе, коль скоро война окончилась; и даже тамъ, гдѣ продолжительная война выработала постоянное начальство, вождь, участвующій собственноручно въ постройкѣ своей хижины, въ добываніи своей пищи и произ-

водствѣ своей домашней утвари, отличается отъ прочихъ лишь своимъ преобладающимъ вліяніемъ. Не существуетъ тогда никакого признака, который далъ бы основаніе предполагать, что съ теченіемъ времени,—вслѣдствіе завоеваній и присоединеній другихъ племенъ, а равно вслѣдствіе сліяній группъ племенъ между собою въ одну націю,—изъ этого примитивнаго вождя произойдетъ въ силу развитія такой вождь, который, подобно королю, или императору, окруженному блескомъ и церемоніаломъ, пользуется надъ десятками милліоновъ людей абсолютною властью, поддерживаемою при помощи сотенъ тысячъ солдатъ и сотенъ тысячъ чиновниковъ.— Когда первые христіанскіе миссіонеры, обладая скромною внѣшностью и ведя самоотверженную жизнь, разсѣялись по языческой Европѣ, проповѣдуя прощеніе обидъ и воздаяніе добромъ за зло, никому и въ голову не приходило, чтобъ, со временемъ, ихъ представители могли образовать обширную іерархію, въ рукахъ которой повсемѣстно сосредоточилась большая часть поземельныхъ владѣній; іерархію, отличающуюся надменностью ея членовъ, управляющуюся военными епископами, предводительствующими войскомъ въ битвахъ и имѣющую во главѣ папу, распространяющаго свою власть даже на королей. То же самое произошло и съ промышленною системою, отмѣнить которую нынѣ столь жаждутъ многіе. Судя по первоначальной ея формѣ нельзя было предвидѣть ни нынѣшней системы конторъ, ни организаціи рабочихъ. Хозяинъ работалъ вмѣстѣ со своими учениками и однимъ, или двумя поденщиками, отличаясь отъ нихъ лишь въ качествѣ главы дома, раздѣляя съ

ними свой столъ и квартиру и самолично продавая общія ихъ произведенія. Только съ развитіемъ промышленности стали пользоваться услугами бóльшаго количества помощниковъ; кругъ дѣятельности же хозяина постепенно съузился и сталъ ограничиваться общимъ надзоромъ. И лишь въ теченіе недавняго времени развилась организація, при которой трудъ сотенъ и тысячъ людей, получающихъ жалованье, регулируется платными въ разной степени должностными лицами, подъ управленіемъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Эти первоначальныя, небольшія, полу-соціалистическія группы производителей, сходныя съ прежними сложными семействами, или общинами, медленно разложились, не будучи въ состояніи удержаться въ присутствіи народившихся иныхъ учрежденій, на болѣе широкую ногу, съ лучшимъ подраздѣленіемъ труда, успѣвавшихъ лучше и дѣйствительнѣе удовлетворять нуждамъ общества. Но нѣтъ надобности пробѣгать минувшія столѣтія, чтобъ найти примѣры достаточно важнымъ и неожиданнымъ превращеніямъ. Когда впервые, въ видѣ опыта, было ассигновано парламентомъ 30,000 фунтовъ стерл. въ годъ на расходы по образованію юношества, то каждаго, противящагося такой мѣрѣ, назвали бы идіотомъ, если-бы онъ вздумалъ предсказывать, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ сумма, проматываемая государствомъ на этотъ предметъ, достигнетъ 10,000,000 фунт. ст.; или еслибъ онъ сказалъ, что за налогами въ пользу образованія послѣдуютъ налоги на предметъ кормленія и одѣванія тѣхъ же дѣтей; или еслибъ онъ утверждалъ, что родители и дѣти, одинаково лишенные права выбора и хотя

бы изнемогающіе отъ голода и холода, должны будутъ, подъ угрозою штрафа и тюремнаго заключенія, принимать отъ государства то, что оно съ папскою претензіею на непогрѣшимость называетъ образованіемъ. Никому, повторяю, не приходило въ голову, что изъ такого невиннаго на взглядъ начала такъ быстро разовьется подобная тираннія, подъ гнетомъ которой смиренно склоняется народъ, мнящій себя свободнымъ.

Такимъ образомъ, въ соціальной жизни, какъ и во всемъ прочемъ, перемѣна неизбѣжна. Неблагоразумно предполагать, что воздвигаемыя вновь институціи сохранятъ на долго тотъ характеръ, какой имъ былъ данъ преобразователемъ. Быстро, или медленно, онѣ превратятся въ институціи совершенно отличныя отъ предполагавшихся,—столь отличныя, что даже и вовсе будутъ неузнаваемы для ихъ виновника. Но чѣмъ же превращеніе выразится въ данномъ, касающемся насъ случаѣ? Отвѣтъ, вытекающій изъ выше приведенныхъ примѣровъ и подкрѣпляющійся различными аналогичными фактами,—вполнѣ очевиденъ.

Главною чертою каждой благоустроенной организаціи является—болѣе совершенное развитіе ея регулятивнаго аппарата. Коль скоро частямъ цѣлаго приходится дѣйствовать сообща, то необходимо, чтобъ существовали нѣкоторые центры, которые управляли-бы ихъ дѣйствіями; пропорціонально же тому на сколько цѣлое велико и сложно и на сколько оно нуждается въ посредничествѣ отдѣльныхъ факторовъ, на столько же и регулятивный аппаратъ долженъ быть обширенъ, выработанъ и

силенъ. Нѣтъ, конечно, надобности распространяться о томъ, что въ отношеніи индивидуальныхъ организмовъ это положеніе является безусловно вѣрнымъ; очевидно также, что и социальные организмы должны подлежать тому же закону. Сверхъ того регулятивнаго аппарата, какой необходимъ въ нынѣшнемъ обществѣ для попеченія о національной защитѣ, для поддержанія общественнаго порядка и для обезпеченія личной безопасности, долженъ еще существовать при режимѣ соціалистическомъ и такой регулятивный аппаратъ, на которомъ лежала бы обязанность наблюдать повсемѣстно за всякаго рода производствомъ и распредѣлять различные роды продуктовъ и матеріяловъ въ надлежащемъ количествѣ для каждой мѣстности, для каждаго заведенія и для каждаго отдѣльнаго лица. При существующемъ нынѣ добровольномъ сотрудничествѣ, при обусловливаемыхъ имъ свободныхъ договорахъ и конкуренціи, производство и распредѣленіе товаровъ не нуждается въ офиціальномъ надзорѣ. Спросъ и предложеніе, а равно стремленіе каждаго человѣка добывать средства къ жизни путемъ удовлетворенія нуждъ своихъ ближнихъ, обусловливаютъ самопроизвольное развитіе той удивительной системы, благодаря которой въ многолюдномъ городѣ ежедневно подвозятся съѣстные припасы къ двери каждаго дома, или складываются въ достаточномъ количествѣ въ сосѣднихъ лавкахъ; благодаря которой имѣются для гражданъ вездѣ подъ рукою запасы платья въ чрезвычайномъ разнообразіи; имѣются къ услугамъ дома, мебель, топливо и, наконецъ, въ качествѣ пищи для ума, предлагаются за ничтожную плату газеты, романы

и научнаго содержанія книги. Повсемѣстно въ странѣ производство и распредѣленіе товаровъ почти не требуетъ никакого надзора, что свидѣтельствуетъ о дѣйствительности системы, такъ какъ громадныя количества разнообразныхъ товаровъ, требующихся ежедневно каждою мѣстностью, доставляются безъ всякаго вмѣшательства какого либо иного фактора, кромѣ преслѣдованія личной выгоды. Предположите теперь, что этотъ промышленный режимъ согласія, дѣйствующій самопроизвольно, замѣненъ будетъ режимомъ промышленнаго повиновенія, поддерживаемаго посредствомъ должностныхъ лицъ. Вообразите себѣ обширность администраціи, необходимой для того распредѣленія товаровъ въ городахъ и селахъ среди народа, какое нынѣ совершается торговцами! Вообразите себѣ, также, ту, еще болѣе обширную администрацію, необходимую для отправленія обязанностей, исполняемыхъ нынѣ фермерами, фабрикантами и коммерсантами; администрацію состоящую не только изъ разныхъ степеней мѣстныхъ надзирателей, но и изъ соотвѣтственныхъ окружныхъ и главныхъ центровъ, необходимыхъ для опредѣленія количества всякаго рода предметовъ, гдѣ либо требующихся, и для принятія мѣръ относительно доставки ихъ въ надлежащее время. Къ этому прибавьте неизбѣжные штаты должностныхъ лицъ для завѣдыванія копями, желѣзными дорогами, почтовыми трактами, каналами; штаты необходимые для завѣдыванія дѣлами по ввозу и вывозу товаровъ, а также для управленія коммерческимъ флотомъ; штаты необходимые для завѣдыванія снабженіемъ городовъ не только водою и газомъ, но конными желѣзными дорогами, омнибу-

сами и всякого рода перевозочными средствами, а равно распредѣленіемъ электрическихъ и иныхъ приспособленій. Присоедините къ этому, существующія и теперь, почтовую, телеграфную и телефонную администраціи и, наконецъ, причислите сюда-же всю полицію и армію, съ помощью лишь которыхъ и могутъ приводиться въ исполненіе всѣ предписанія этого чудовищнаго регулятивнаго аппарата. Вообразите все это и подумайте, каково будетъ положеніе дѣйствительныхъ рабочихъ! И теперь на континентѣ, гдѣ правительственныя организаціи болѣе выработаны и носятъ болѣе принудительный характеръ, чѣмъ у насъ, слышатся постоянныя жалобы на тираннію бюрократіи и на грубость и надменность ея членовъ. Что же тогда окажется, когда не только исправленіе обязанностей, относящихся къ болѣе общественной дѣятельности, будетъ подлежать контролю, но и всякая ежедневная дѣятельность гражданъ станетъ контролироваться? Что случится, когда различныя подраздѣленія этой обширной арміи чиновниковъ, связанныя интересами, присущими вообще чиновничеству, —т. е. интересами управляющихъ по отношенію къ управляемымъ,—будутъ располагать необходимыми силами для подавленія всякихъ признаковъ неповиновенія и когда, прибѣгая къ этимъ силамъ, они будутъ прикрываться знаменемъ «спасенія общества»? Каково будетъ положеніе дѣйствительныхъ рудокоповъ, кузнецовъ, ткачей и т. п., когда люди, пользующіеся властью надъ ними и уже образовавшіе разные классы общества, перероднятся, путемъ браковъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, съ людьми соотвѣтственныхъ степеней; когда вы-

работаются чувства, сродныя нынѣшнимъ «сословнымъ предразсудкамъ»; когда возникнутъ, такимъ образомъ, цѣлые ряды кастъ въ восходящемъ порядкѣ, которыя, всѣмъ распоряжаясь и устраивая жизнь по собственному усмотрѣнію, составятъ новую аристократію, несравненно болѣе могущественную и лучше организованную? Что предпринять тогда отдѣльному рабочему, если онъ найдетъ, положимъ, что выдѣляемая ему доля продуктовъ недостаточна; если онъ сочтетъ, что его заставляютъ работать болѣе, чѣмъ слѣдовало-бы; или если онъ пожелаетъ заняться дѣломъ, къ которому чувствуетъ себя болѣе способнымъ, между тѣмъ какъ начальство будетъ иного объ его способностяхъ мнѣнія? Такая недовольная единица въ этой необъятной машинѣ должна будетъ или покориться, или уходить . . . . Но куда? Хотя промышленное отлученіе являлось бы самымъ мягкимъ наказаніемъ за непокорность, но еслибъ международная организація труда состоялась въ томъ видѣ, какъ это предполагается, то отлученіе въ одной странѣ влекло-бы за собою отлученіе и въ другой, а слѣдовательно, оно равносильно было бы обреченію на голодную смерть.

Что такой именно порядокъ вещей долженъ воцариться при новомъ режимѣ, мы убѣждаемся въ этомъ не только въ силу логическихъ выводовъ, не только въ силу опыта минувшихъ временъ, не только изъ разсмотрѣнія аналогій, доставляемыхъ организмами всякихъ иныхъ порядковъ, но, также, убѣждаемся въ этомъ и путемъ наблюденія самыхъ будничныхъ фактовъ. Истина, что

регулятивная часть организма всегда стремится къ усиленію своей силы и власти, подтверждается всякою общественною институціею. Исторія каждаго общества, преслѣдующаго какія либо ученыя, или иныя цѣли, показываетъ, что правленіе этого общества пользуется рѣшающимъ вліяніемъ на дѣла; причемъ, если даже большинство членовъ и не одобряетъ принятаго правленіемъ образа дѣйствій, тѣмъ не менѣе, сопротивленіе является весьма вялымъ и нерѣшительнымъ. Причина тому обыкновенно кроется просто въ нежеланіи вызывать смуты и несогласіе. Примѣромъ можетъ послужить любая желѣзно-дорожная акціонерная компанія. Оклады жалованья директорамъ утверждаются, обыкновенно, почти безъ всякихъ преній; въ случаѣ же значительной оппозиціи, —послѣдняя тотчасъ подавляется преобладающимъ числомъ довѣренныхъ лицъ, командируемыхъ тѣми, которые привыкли всегда поддерживать существующую администрацію. Сопротивленіе акціонеровъ становится тогда лишь достаточно энергичнымъ для того, чтобъ смѣстить правленіе, когда злоупотребленія послѣдняго достигаютъ крайностей. Не иначе обстоятъ дѣла и въ рабочихъ союзахъ, т. е. среди обществъ, сплотившихся съ исключительною цѣлью отстаиванія интересовъ труда въ борьбѣ его съ капиталомъ. Среди нихъ, также, регулятивная часть становится всемогущественною. Члены ихъ, даже и не сочувствуя данной политикѣ, уступаютъ, однако, избраннымъ ими властямъ. Покоряются они потому, что не могутъ отступиться отъ общества, не наживая себѣ враговъ среди своихъ же собратьевъ рабочихъ, а часто не рискуя даже и совсѣмъ поте-

рять заработокъ. Изъ отчетовъ послѣдняго конгресса мы, узнаемъ, сверхъ того, что общая организація, столь недавно образовавшихся рабочихъ союзовъ, поражена уже такими недугами какъ интрига, коноводство и постоянныя выборныя лица. И такъ, если могущество регулятивной части объявляется и въ институціяхъ совершенно недавняго происхожденія, устанавливаемыхъ людьми вполнѣ властными отстаивать свою независимость, то до какой степени могущества достигнетъ регулятивная часть въ институціяхъ, давно установившихся, широко и прочно организовавшихся, гдѣ контролю подлежитъ не какая либо часть дѣятельности индивидуума, но вся его жизнь цѣликомъ?

Опять выступятъ съ возраженіемъ: «Мы», дескать, «будемъ на сторожѣ противъ всего этого. Каждый изъ насъ получитъ образованіе; всѣ же вмѣстѣ, будучи всегда внимательными къ малѣйшему проявленію злоупотребленія властью, не замедлимъ помѣшать злу во время». Стоимость такихъ надеждъ не велика была бы даже и въ томъ случаѣ, еслибъ мы не могли опредѣлить тѣхъ причинъ, какія обусловятъ разочарованіе, такъ какъ въ дѣлахъ человѣческихъ, нерѣдко, самые многообѣщающіе проэкты оказываются на дѣлѣ никуда не годными вслѣдствіе причинъ никѣмъ не предвидѣнныхъ. Въ данномъ же случаѣ разочарованіе наступитъ въ силу вполнѣ очевидныхъ причинъ. Пригодность институцій опредѣляется характеромъ людей; нынѣшніе же недостатки ихъ характера неизбѣжно поведутъ къ вышеуказаннымъ результатамъ, потому что слишкомъ еще мало развиты въ людяхъ

тѣ чувства, какія необходимы для предупрежденія роста самовластной бюрократіи.

Еслибъ представлялась необходимость настаивать на косвенныхъ тому доказательствахъ, то очень много таковыхъ доставило бы намъ поведеніе такъ называемой либеральной партіи, члены которой, уклонившись отъ первоначальнаго понятія о вождѣ партіи какъ о представителѣ извѣстной, принятой политики, считаютъ себя обязанными соглашаться на политику, какую вождь ихъ безцеремонно имъ навязываетъ; партіи, являющейся столь постороннею чувствамъ и идеѣ подразумѣваемымъ либерализмомъ, что ее ни сколько не возмущаетъ такое попираніе права на отдѣльное мнѣніе, между тѣмъ какъ это право составляетъ основаніе и корень либерализма; партіи, которая своихъ же членовъ, отказывающихся поступиться независимостью обзываетъ измѣнниками! Но не распространяясь надъ косвенными доказательствами той истины, что большинство людей не обладаетъ соотвѣтственною природою для воспрепятствованія развитію самовластнаго офиціализма, достаточно взглянуть на прямыя доказательства этого положенія, доставляемыя тѣми классами общества, среди которыхъ соціалистическія идеи болѣе всего преобладаютъ и которые считаютъ себя наиболѣе заинтересованными въ дѣлѣ ихъ распространенія; а именно, достаточно познакомиться съ рабочими классами. Они составили бы самую крупную часть въ обществѣ соціалистической организаціи и отличительныя черты ихъ характера опредѣлили-бы природу послѣдней. Въ чемъ же состоятъ эти черты, проявляющіяся въ организаціяхъ такого рода, уже теперь существующихъ?

Вмѣсто эгоизма и эгоистическаго соревнованія намъ слѣдуетъ встрѣтить въ средѣ рабочихъ классовъ безкорыстіе и взаимную помощь. Въ какой же степени это безкорыстіе проявляется нынѣ рабочими по отношенію другъ къ другу? Что мы скажемъ о правилахъ, ограничивающихъ число лицъ, допускаемыхъ ко всякому ремеслу; или о правилахъ препятствующихъ повышенію рабочихъ изъ низшихъ степеней на высшія? Такія правила ничего не имѣютъ общаго съ тѣмъ альтруизмомъ, какимъ соціализмъ долженъ быть проникнутъ. Напротивъ, тутъ видимъ не менѣе рѣзко выраженную погоню за личною выгодою, чѣмъ это наблюдается и въ торговомъ мірѣ. Поэтому, если не предположить, что природа людей внезапно измѣнится къ лучшему, то слѣдуетъ думать, что преслѣдованіе личныхъ выгодъ будетъ руководить поступками всѣхъ составныхъ классовъ въ соціалистическомъ обществѣ.

Вмѣстѣ съ пассивнымъ недостаткомъ вниманія къ правамъ ближнихъ являются и активныя противъ нихъ дѣйствія. «Будь за одно съ нами, или мы лишимъ тебя вовсе средствъ къ жизни», такова, обыкновенно, угроза каждаго рабочаго союза по отношенію къ непримкнувшимъ къ союзу ремесленникамъ. Члены союзовъ, настаивая, совершенно основательно, на своемъ правѣ сговариваться и устанавливать размѣръ платы, за какую они согласны работать, не только не признаютъ, однако, подобнаго права за тѣми, которые расходятся съ ними во мнѣніяхъ, но даже всякое слово въ защиту ихъ свободы въ этомъ отношеніи считаютъ преступленіемъ. Лицъ, смѣло отстаивающихъ свое

право на заключеніе самостоятельныхъ договоровъ они поносятъ кличкою «плутовъ» и «предателей» и подвергаютъ такимъ насиліямъ, что еслибъ не вмѣшательство закона и полиціи, то о состраданіи не могло бы быть и рѣчи. Рядомъ съ такимъ презрѣніемъ къ свободѣ людей ихъ собственнаго класса стоитъ заносчивость требованій къ работодателямъ. Послѣдніе не только должны сообразоваться съ предписываемыми имъ условіями, касающимися платы и плана работы, но обязываются не включать въ число рабочихъ никого изъ непринадлежащихъ къ рабочему союзу; мало того, имъ, нерѣдко, угрожаютъ забастовкою, въ случаѣ если они осмѣлятся вести торговыя дѣла съ фирмою, которая не отказываетъ въ работѣ людямъ, не вошедшимъ въ составъ союзовъ. И такъ, мы наглядно убѣждаемся, что рабочіе союзы,—или, по крайней мѣрѣ, союзы новѣйшаго типа,—стремятся, во что бы то ни стало, предписывать всѣмъ свои постановленія, не взирая на права тѣхъ кого они насилуютъ. Идеи и чувства являются тутъ въ столь превратномъ видѣ, что отстаиваніе своихъ правъ считается преступленіемъ, а насилованіе чужой свободы—похвальнымъ дѣломъ *).

---

*) Къ удивительнымъ выводамъ приходятъ люди, коль скоро отклонятся отъ того простаго принципа, что каждому человѣку должна быть дозволена всякаго рода дѣятельность, съ единственнымъ лишь условіемъ, чтобъ она не переступала за тѣ границы, какія налагаются подобною же дѣятельностью прочихъ людей. Лѣтъ тридцать тому назадъ слышались шумныя утвержденія о «правѣ на трудъ», т. е. о правѣ требовать работы; да и теперь еще многіе полагаютъ, что община обязана находить и доставлять работу каждому

Рядомъ съ такимъ посягательствомъ на чужую свободу съ одной стороны, идетъ чрезмѣрная податливость и покорность—съ другой. Принудительный образъ дѣйствій членовъ союза въ отношеніи рабочихъ не примкнувшихъ къ нимъ, можетъ быть сравненъ развѣ лишь съ ихъ уступчивостью по отношенію къ своимъ вожакамъ. Для того чтобъ одержать верхъ въ борьбѣ, они жертвуютъ и своею личною свободою и своимъ мнѣніемъ, не питая, при этомъ, никакой злобы къ своимъ властямъ, какъ бы диктаторски онѣ ни распоряжались ими. Повсюду мы видимъ такую субординацію, что цѣлыя корпораціи рабочихъ единодушно забастовываютъ, или принимаются за прерванную работу, согласно тому, что приказываютъ имъ ихъ власти. Не сопротивляются они и тогда, когда эти власти облагаютъ ихъ поголовною податью для поддержанія стачниковъ, причемъ вовсе

человѣку. Сравните это мнѣніе съ доктриною, процвѣтавшею во Франціи въ эпоху наибольшаго развитія монархической власти, когда утверждалось, что «право на трудъ есть королевское право, которое монархъ можетъ продать, а подданные обязаны купить». Контрастъ, какъ видите, довольно рѣзкій; но еще болѣе поразительный контрастъ оказался припасенъ для нашего времени. При насъ воскресаетъ та же деспотическая доктрина, съ тою лишь разницею, что привиллегія прежнихъ королей становится привиллегіею рабочихъ союзовъ. Ибо теперь,—когда рабочіе союзы появляются всюду и когда каждый ремесленникъ поставленъ въ необходимость платить деньги за право работать самостоятельно, внѣ союза,—дошло до того, что «право на трудъ» сдѣлалось правомъ рабочаго союза, которое послѣдній можетъ по своему усмотрѣнію продать, а отдѣльный рабочій долженъ его купить.

не принимается во вниманіе одобряютъ-ли они дѣйствія стачниковъ, или нѣтъ; за то они сильно преслѣдуютъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые не согласны на эту подать.

Показанныя, такимъ образомъ, отличительныя черты должны явиться неизбѣжными для всякой новой соціальной организаціи. Отсюда возникаетъ важный вопросъ:—Что произойдетъ подъ вліяніемъ этихъ чертъ, когда для ихъ свободнаго дѣйствія будутъ устранены всѣ препоны? Въ настоящее время отдѣльныя корпораціи людей, проявляющія такія черты, находятся среди общества частью пассивнаго, частью враждебно къ нимъ настроеннаго; подлежатъ критикѣ и порицанію независимыхъ органовъ печати и состоятъ подъ контролемъ закона, вооруженнаго полиціею и войскомъ. Если при нынѣшнихъ обстоятельствахъ личная свобода членовъ этихъ корпорацій находится, обыкновенно, въ такомъ загонѣ, то что же случится, когда, вмѣсто того чтобъ представлять разсѣянныя кое-гдѣ части общины, управляемыя отдѣльнымъ рядомъ регуляторовъ, они образуютъ собою всю цѣликомъ общину, управляемую сплоченною системою такихъ регуляторовъ? Когда должностныя лица разнаго рода, включая сюда и представителей прессы, образуютъ части того же регулятивнаго органа? Когда, наконецъ, законы будутъ и издаваться и примѣняться тѣмъ же регулятивнымъ органомъ? Фанатическіе приверженцы соціалистической теоріи способны, для осуществленія своихъ намѣреній, прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, утверждая, подобно безжалостному духовенству прежнихъ временъ, что

цѣль оправдываетъ средства. Когда же всеобщая соціалистическая организація установилась бы окончательно, то обширный, развѣтвленный и сплоченный корпусъ тѣхъ лицъ, которымъ выпало бы на долю управлять ея дѣятельностью, прибѣгалъ бы беспрепятственно ко всякимъ понудительнымъ мѣрамъ, какія казались бы ему необходимыми въ интересахъ всей системы,—интересахъ, которые на практикѣ сдѣлались бы его собственными интересами,—и предписывалъ бы не колеблясь самыя суровыя правила, охватывающія всю жизнь дѣйствительныхъ рабочихъ. Въ послѣднемъ же результатѣ выработалась бы чиновничья олигархія съ различными подраздѣленіями на классы, при которой стала бы господствовать такая гигантская и ужасающая тираннія, какой міръ никогда не бывалъ свидѣтелемъ.

Позвольте мнѣ еще разъ опровергнуть одно ошибочное заключеніе. Всякій, кто предполагаетъ, что предъидущіе доводы подразумѣваютъ удовлетвореніе существующимъ порядкомъ вещей, глубоко заблуждается. Нынѣшнее соціальное состояніе есть состояніе переходное, точно также какъ и прошедшія соціальныя состоянія были переходными. Наступитъ,—я надѣюсь и даже увѣренъ въ этомъ,—наступитъ такое соціальное состояніе, которое будетъ столько же отличаться отъ нынѣшняго, сколько это послѣднее отличается отъ минувшаго съ его закованными въ латы баронами и беззащитнымъ крѣпостнымъ сословіемъ. Въ *Соціальной Статикѣ*, а равно въ *Изученіи Соціологіи* и въ *Развитіи политическихъ учрежденій* ясно выражено мною желаніе приблизиться къ организаціи болѣе

способствующей счастью людей вообще, чѣмъ организація нынѣ существующая. Оппозиція же моя противъ соціализма является слѣдствіемъ увѣренности въ томъ, что соціализмъ остановилъ бы прогрессъ къ такому высшему соціальному состоянію и вернулъ бы насъ къ состоянію низшему. Только медленное измѣненіе человѣческой природы, подверженной дисциплинѣ соціальной жизни, можетъ произвести устойчивыя благопріятныя перемѣны.

Основнымъ заблужденіемъ, искажающимъ сужденіе почти всѣхъ партій, является мнѣніе, будто противъ соціальныхъ бѣдствій могутъ быть найдены немедленныя радикальныя средства. «Желая пресѣчь зло, слѣдуетъ сдѣлать то-то». «Осуществите лишь мой проэктъ и страданіе исчезнетъ». «Чтобъ предупредить растлѣніе нравовъ, стоитъ лишь принять такія то мѣры». Подобныя убѣжденія, высказываемыя съ совершенною искренностью, встрѣчаемъ повсюду. Всѣ они, однако, неосновательны. Возможно устранить причины, усиливающія зло; возможно превратить зло изъ одной формы въ другую; возможно также, что нерѣдко и случается, усугубить зло, стараясь побороть его; но придумать что либо для немедленнаго и кореннаго уничтоженія зла—невозможно.—Родъ человѣческій, вслѣдствіе размноженія, долженъ былъ выйти съ теченіемъ вѣковъ изъ того первоначальнаго дикаго состоянія, при которомъ небольшія группы людей могли поддерживать свое существованіе случайно находимою пищею. Онъ долженъ былъ перейти въ состояніе цивилизованное, при которомъ пища, необходимая для большихъ массъ людей, можетъ быть добываема

лишь безпрерывнымъ трудомъ. Чтобъ соотвѣтствовать, однако, этой послѣдней формѣ жизни, природа людей должна быть совершенно отличною отъ той, какая требовалась для соотвѣтствія ихъ дикому состоянію. А такъ какъ всякое несоотвѣтствіе между организаціею и условіями существованія неизбѣжно влечетъ за собою страданіе, и такъ какъ организація, унаслѣдованная людьми отъ своихъ первобытныхъ предковъ, несоотвѣтствуетъ условіямъ существованія нынѣшнихъ людей, то очевидно, что пока не совершится благопріятная перемѣна въ ихъ природѣ, не можетъ быть устраненъ и длинный рядъ невзгодъ и бѣдствій. Отсюда слѣдуетъ, что нельзя установить немедленно удовлетворительное соціальное состояніе. Люди, обладающіе такою природою, въ силу которой Европа наводнена милліонами вооруженныхъ солдатъ, здѣсь—алчущихъ завоеваній, тамъ—снѣдаемыхъ жаждою мщенія,—природою, въ силу которой націи, именующія себя христіанскими, снаряжаютъ, взапуски одна передъ другою, разбойничьи экспедиціи во всѣ концы міра, вовсе не заботясь о правахъ туземцевъ, между тѣмъ какъ десятки тысячъ служителей ихъ религіи, проповѣдующей любовь къ ближнему, одобрительно на это смотрятъ,—природою, въ силу которой болѣе сильные народы при столкновеніи съ болѣе слабыми перещеголяли даже прежній варварскій законъ, гласившій «око за око, зубъ за зубъ», и за одну жизнь выхватываютъ множество жизней, —такіе люди, повторяю, обладающіе подобною природою, не могутъ быть сплочены, никоимъ образомъ, въ благоустроенную общину. Источникомъ всякаго благоустройства является чувство справе-

дливости, которое одновременно настаиваетъ на своей личной свободѣ и требуетъ такой же свободы для другихъ; въ настоящее же время существуетъ лишь очень недостаточное количество такого чувства.

Отсюда вытекаетъ необходимость дальнѣйшаго существованія той дисциплины, которая требуетъ, чтобъ дѣятельность каждаго человѣка отправлялась съ должнымъ вниманіемъ къ правамъ на такую же дѣятельность другихъ людей; дисциплины, одинаково настаивающей какъ на томъ принципѣ, чтобъ каждый человѣкъ пользовался всѣми выгодами, естественно вытекающими изъ его поведенія, такъ и на томъ, чтобъ онъ не обременялъ ближнихъ тяжестью тѣхъ золъ, какія естественно вытекаютъ изъ его поведенія, за исключеніемъ лишь того случая, когда ближніе сами, добровольно, принимаютъ эту тяжесть на себя. Отсюда, также, вытекаетъ увѣренность въ томъ, что усилія увернуться отъ этой дисциплины не только не увѣнчаются успѣхомъ, но обусловятъ собою бѣдствія еще хуже, чѣмъ тѣ, отъ какихъ желаютъ избавиться.

И такъ борьба противъ соціализма не представляетъ исключительнаго разсчета для однихъ хозяевъ; она является еще болѣе выгодною для рабочихъ классовъ. Такъ, или иначе, производство должно подлежать регулированію; по природѣ же вещей число единицъ регулирующаго класса должно быть всегда незначительнымъ въ сравненіи съ числомъ единицъ дѣйствительныхъ производителей. При добровольномъ сотрудничествѣ, какое теперь существуетъ, регуляторы, преслѣдуя свои личные

интересы, берутъ себѣ такую долю доходовъ, какою лишь въ состояніи завладѣть; но ихъ эгоистическія стремленія сдерживаются, о чемъ ежедневно свидѣтельствуютъ намъ успѣхи рабочихъ союзовъ. При принудительномъ сотрудничествѣ, какое обусловилъ бы соціализмъ, регуляторы, преслѣдуя свои личные интересы съ не меньшимъ эгоизмомъ, не могли бы быть обуздываемы соединенными усиліями свободныхъ рабочихъ. Власть ихъ, не сдерживаемая возможностью отказа работать на нежелательныхъ условіяхъ, какъ это практикуется нынѣ, усиливалась бы, развѣтвлялась и крѣпла до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась бы непреодолимою. Въ окончательномъ результатѣ, какъ я уже указывалъ, должно, такимъ образомъ, выработаться общество, подобное жалкому обществу древняго Перу, гдѣ большинство народа,—тщательно распредѣленное на группы въ 10, 50, 100, 500 и 1000 человѣкъ, управляемыя чиновниками соотвѣтственныхъ степеней и на всегда прикрѣпленныя къ своему округу,—состояло подъ строгимъ надзоромъ какъ въ промышленномъ отношеніи, такъ въ дѣлахъ частной жизни и безнадежно изнемогало подъ бременемъ тяжелаго труда для поддержанія правительственной организаціи.

Цѣна 30 коп.